

Прибыв в Цзиньлин, Шао Юй без труда нашел постоянный двор. Поскольку приближались экзамены, большинство гостиниц были переполнены, но эта, из-за своего глухого расположения, была заполнена лишь наполовину, да и цены здесь кусались куда меньше.

— Целая монета за ночь! Да в Цзиньлине гостиницы просто грабят среди бела дня, — старший брат Шао был крайне встревожен. — Младший, боюсь, мы не протянем здесь и нескольких дней.

Шао Юй всю дорогу по пути в каждый город скупал какие-то товары, и к моменту прибытия в Цзиньлин денег почти не осталось. Шао Юй снял обычную комнату, куда более скромную, чем покои высшего класса, однако старший брат Шао все равно ходил по ней, озираясь по сторонам, словно пытаясь понять, за что тут вообще платить такие деньги.

Шао Юй не стал долго задерживаться в номере. Взяв на плечи часть товара, он вместе со старшим братом направился напрямик в Западный квартал. Там жили в основном простолюдины. Шао Юй подвел брата к одному из домов и трижды постучал.

Старший брат Шао в испуге схватил его за рукав и прошептал:

— Ты знаком с хозяевами?

Шао Юй покачал головой:

— Нет.

— Тогда зачем ты стучишься в чужие двери? — Старший брат Шао задрожал, мечтая лишь о том, чтобы утащить Шао Юя подальше.

Но Шао Юй стоял невозмутимо. Вскоре дверь отворилась, и на пороге появилась женщина лет тридцати. С мягким, певучим голосом она с любопытством посмотрела на незнакомцев:

— Вы кто такие? К кому пожаловали?

Шао Юй улыбнулся:

— Судя поговору, вы, сестрица, родом из Ланьчэна?

Шао Юй от природы был статен и красив, а его улыбка могла ослепить любого. Женщина, увидев столь приятного юношу, сразу сменила гнев на милость и даже не стала проявлять осторожность:

— Откуда знаешь? Неужто и ты из Ланьчэна?

— Прошу прощения, сестрица, — ответил Шао Юй. — Я не из Ланьчэна, я ученый, направляюсь на экзамен. Стыдно признаться, но семья наша бедна, а в кошельке пусто, вот и пришлось

заняться торговлей. Когда проезжали Ланьчэн, попробовал там местные облачные пирожные — они показались мне божественными! Купил немало. Попробуйте, сестрица, скажите, настоящий ли это вкус?

Под страдальческим взглядом старшего брата Шао, Шао Юй протянул женщине половинку пирожного. К счастью, в те времена люди были не столь подозрительны, и, получив угощение от незнакомца, первым делом думали о том, как бы сэкономить, а не о том, что внутри может быть яд.

Женщина попробовала кусочек, кивнула и подтвердила:

— Самые что ни на есть настоящие.

Шао Юй тут же подхватил:

— Тогда, может, возьмете упаковочку? Мы везли их прямо из Ланьчэна, нигде больше такого вкуса не найти. Мы с братом до того бедны, что даже на ночлег едва наскребли, но я человек образованный и не стану наживаться на людях. В Ланьчэне такая коробка стоит тридцать вэней, я накину лишь две монеты за труды.

Шао Юю повезло: женщина оказалась решительной и действительно тосковала по вкусу родных мест. Не торгуясь, она купила сразу три коробки. Разумеется, заработал он куда больше двух вэней с коробки — закупал-то он их по двадцать. Продав три упаковки, он положил в карман тридцать шесть вэней чистой прибыли.

— Младший, да мы же не настолько бедны, чтобы на ночлег не хватало, зачем ты обманываешь людей? — Старший брат Шао был человеком честным и откровенно нервничал из-за лжи.

Шао Юй взглянул на него и спросил:

— Сколько у нас осталось денег? Подумай сам, через несколько дней нужно вносить плату за экзаменационные списки, долго ли мы продержимся? Если будем просто проедать запасы, то скоро окажемся на общих нарах.

Старший брат Шао, одураченный доводами Шао Юя, забыл, что безденежье возникло именно из-за того, что младший скупил гору товара.

— Младший, а ты говорил, что твой сокурсник подсказал тебе этот путь, верно? — снова спросил он.

Шао Юй вздохнул:

— А этот способ помогает быстро продать товар?

Старший брат Шао кивнул.

— Вот это он меня и научил. Его семья торговлей занимается. Учись, брат, скоро экзамены, я должен готовиться, не могу же я целыми днями бегать с тобой по улицам.

Старший брат Шао помрачнел:

— Я... я ведь не могу определить, кто откуда родом поговору...

— Не можешь определить — просто спроси, — невозмутимо ответил Шао Юй.

Весь день Шао Юй водил брата по Западном кварталу. Скоропортящиеся продукты он распродал быстро. Хотя Шао Юй и таскал его за собой весь день, старший брат оставался в полном замешательстве. На второй день Шао Юй остался дома, отправив брата торговать в одиночку. Вечером тот вернулся с поникшей головой — за весь день удалось продать лишь два аршина ткани из уезда Цзянлань.

Старший брат Шао пал духом, но Шао Юй внимательно расспросил его и помог подвести итоги. Хорошо хоть, что скоропортящуюся еду они сбыли в первый же день, а остальное можно было либо продать в Цзиньлине, либо увезти домой.

На третий день старший брат Шао вышел рано утром и направился прямо в Западный квартал. Он постучал в одну из дверей. Вышел мужчина средних лет:

— Кого ищешь?

— Я... — Шао Далан замялся, не в силах вымолвить ни слова.

Мужчина нахмурился, окинул взглядом товар за его спиной и спросил:

— Коробейник?

— Да! — поспешно ответил Шао Далан и, вспомнив наставления Шао Юя, расплылся в широкой улыбке.

Мужчина, глядя на эту явно неестественную улыбку, решил, что парень в этом деле новичок, и, смягчившись, сказал:

— Показывай, что у тебя есть.

Возможно, из-за доброжелательного тона мужчины, Шао Далан перестал нервничать. Доставая товар, он, подражая Шао Юю, спросил:

— Господин местный?

— Да, — ответил мужчина. Его взгляд вдруг остановился на деревянном гребне. Это был

гребень из персикового дерева с изящной резьбой.

У Шао Далана язык был не подвешен, да и глаз наметан не очень, но, увидев интерес покупателя, он протянул ему гребень и заикаясь произнес:

— Это... это мастер из уезда Шэ сделал. У тамошних ремесленников... мастерство передается из поколения в поколение, всё тонкая... тонкая работа, господин, присмотритесь.

Речь давалась Шао Далану с трудом, но покупатель не придирался.

— Сколько?

— Двадцать пять взней.

Сердце Шао Далана радостно екнуло — первая сделка почти в кармане.

— Я вижу, у тебя есть еще шнурки для волос. Если куплю гребень, подаришь шнурок? — спросил мужчина.

Шао Далан заколебался, но мужчина добавил:

— Продашь мне так, я приведу тебе еще покупателей. Как тебе?

Шао Далан стиснул зубы и согласился.

Шао Юй весь день просидел за книгами. Хоть у него и была память прежнего владельца тела, знания нужно было систематизировать. Вечером он увидел, что Шао Далан вернулся в приподнятом настроении.

— Брат, неужто продал много? — улыбнулся Шао Юй.

Шао Далан, сияя от восторга, выложил всё, что произошло за день.

— Брат, ты у меня умница! Так быстро освоился. А раз товар хороший и скидка есть, завтра они наверняка еще купят, — похвалил Шао Юй.

Шао Далан застеснялся:

— Они и сами просили прийти завтра, обещали еще людей позвать.

Во все времена люди любили выгоду, и чтобы быстро продать товар, нужно было дать покупателю почувствовать, что он в выигрыше.

— Ты все сделал правильно, брат. Добавишь к крупной покупке безделушку — и человек охотнее расстанется с деньгами. Не жалея об этом, главное — есть прибыль.

Старший брат замялся:

— Это все благодаря господину Лю, он и остальных покупателей привел.

Господин Лю — тот самый первый покупатель. Шао Юй, услышав это, оживился:

— Брат, ты просто гений! Найти такой способ, завести знакомство с местным — я бы до такого и не додумался! Видно, у тебя голова светлая.

Шао Далан густо покраснел, чувствуя, как у него от гордости кружится голова. Неужели у него и правда есть талант к торговле?

На деле за день он заработал всего три монеты. В дни экзаменов цены в Цзиньлине взлетели, и этих денег едва хватало на покрытие расходов двоих человек на два дня.

— Только вот товара почти не осталось. Многие спрашивали ткань из Цзянлани, но дотуда путь неблизкий, — словно невзначай заметил Шао Далан.

— Брат, ты просто невероятен! — воскликнул вдруг Шао Юй.

— А? — Шао Далан опешил. Он же просто пожаловался, почему младший опять его хвалит? С тех пор как его дочь вырвалась из огня, брат стал таким разговорчивым, только и делает, что рассыпается в комплиментах.

Шао Юй, видя, что брат все еще пребывает в прострации, продолжил лить елей:

— Сразу видно, ты прирожденный торговец. Другим нужно пройти долгий путь, чтобы понять суть дела, а ты всего за пару раз во всем разобрался.

Шао Далан все еще не понимал, в чем именно он разобрался, но слушал внимательно.

— Раз люди спрашивают ткань, значит, спрос на нее велик. В следующий раз, как поедем в Цзиньлин, привезем побольше.

Шао Далан хотел было кивнуть, но вдруг встрепенулся:

— В следующий раз?

— Брат, неужели ты хочешь всю жизнь гнуть спину на поле? За эти дни мы заработали, может, и немного, но это куда лучше, чем каждый день копать в земле, не так ли? — парировал Шао Юй.

— Но если мы будем постоянно торговать, кто же за хозяйством присмотрит? — в Шао Далани все еще жила крестьянская ограниченность.

Шао Юй улыбнулся:

— Если заработаешь денег и купишь больше земли, сможешь нанять батраков. Станем землевладельцами. Другие девушки выходят замуж с парой монет в приданом, а наша Дая принесет в дом мужа целые угодья или мы возьмем зятя в дом. Как тебе идея?

Шао Далан был ослеплен этой картиной. У них с женой была только дочь, и за столько лет они уже смирились, что других детей не будет. Он и раньше подумывал о том, чтобы взять зятя, но кто пойдет в такую нищую семью? Теперь же сердце его горело огнем.

Результат этого разговора был таков: на следующий день Шао Далан стал еще активнее. Уходил до рассвета и возвращался лишь к ночи.

До экзаменов оставалось три дня, а товар был распродан дочи́ста. Хотя начал он неуклюже, позже Шао Далан словно открыл в себе скрытый талант, и благодаря своему честному, простоватому лицу стал любимцем многих жителей Западного квартала.

Шао Далан хотел перед экзаменами съездить в другой город за товаром, но Шао Юй остановил его, попросив заказать у плотника партию складных табуретов. Брат не понял зачем, но послушался.

Накануне экзаменов Шао Юю прислали приглашение. Увидев имя Чжэн Таня, он отложил его в сторону, не желая иметь с ним ничего общего.

Через день, когда Шао Юй корпел над книгами, постучал слуга из гостиницы: это был Чжэн Тань с двумя другими учеными.

Шао Юй нахмурился:

— Скоро экзамен, почему не учишься? Зачем пришел?

Чжэн Тань улыбнулся:

— Пришел просить прощения у брата Шао. Раньше я был неправ, но подумал и решил, что не могу потерять нашу дружбу. Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе.

Шао Юй нахмурился. Беспричинная любезность — признак либо хитрости, либо злого умысла. Он не понимал, что задумал Чжэн Тань, но отвращение испытывал полное. Скосив глаза, он окинул Чжэн Таня оценивающим взглядом и громко спросил:

— Раз пришел просить прощения, где же розги для самобичевания?

Лицо Чжэн Таня почернело. Один из ученых, стоявших за его спиной, взмахнул веером и произнес:

— Мы, люди ученые, должны иметь широкую душу. Брат Чжэн искренне раскаялся, зачем же брату Шао быть таким мелочным?

Шао Юй усмехнулся:

— Видимо, у вас в семье нет незамужних сестер или племянниц.

Тот ученый ответил:

— У меня две сестры, обе еще не замужем.

— Если бы вашу сестру выдали за старика, у которого одной ногой в могиле, вы бы смогли улыбаться и просить меня о прощении? — Шао Юй помолчал и продолжил: — Его извинения — это его дело, а мое нежелание их принимать — мое. Вы пытаетесь силой заставить меня простить его, в моих глазах это ничем не отличается от разбоя.

Сказав это, Шао Юй больше не стал тратить слова на эту компанию и захлопнул дверь, возвращаясь к учебе. Чжэн Тань еще несколько раз постучал, но Шао Юй не ответил. В итоге соседи по этажу начали возмущенно выходить из своих комнат, и Чжэн Таню с компанией пришлось ретироваться.

Отойдя подальше от гостиницы, они сели в чайной. Чжэн Тань с горестным лицом обратился к своим спутникам:

— В тот день я лишь услышал, что брат Шао нуждается в деньгах, чтобы выдать племянницу замуж и получить выкуп, вот и решил помочь. Он сам говорил, что не против, если она будет второй женой, а потом вдруг передумал, и мне пришлось оправдываться перед родственниками. Теперь он со мной не общается, а я остался в дураках.

Оба ученых были горячими натурами и сочли, что Чжэн Таня несправедливо обидели. Один из них, по имени Сунь Чао, сказал:

— Ученый человек должен держать слово, а он его нарушил. К тому же такой мелочный. Брат Чжэн, не стоит ради него так стараться.

Чжэн Тань, притворно вздыхая, отозвался:

— Ох, брат Шао просто упрям, он не злой человек. Видимо, я сам виноват. Я хоть и учусь на деньги родственников, но сам не богат, не то что Чжан Цзиньлунь — у того семья торгует, он может хоть тридцать лямов серебра одолжить.

— Хм, теперь понятно, что дело не в племяннице! Он просто завистлив и жаден до денег! Брат Чжэн, зачем ты перед таким унижаешься? — возмутился Сунь Чао.

Чжэн Тань не стал спорить, лишь вздохнул:

— Эх, столько лет дружбы, как их легко отбросить.

В этот момент слуга Чжэн Таня принес коробку с едой:

— Господин, это пирожные с османтусом из Чжэньсючжай, как вы просили.

Сунь Чао приподнял бровь:

— Пирожные с османтусом из Чжэньсючжай? Одна коробка стоит целую монету!

Чжэн Тань сказал:

— Брат Шао любит их, хочу передать как извинение.

— Зачем давать такое лакомство такому неблагодарному человеку? — воскликнул Сунь Чао.

Чжэн Тань покачал головой и приказал слуге:

— Отнеси их в гостиницу «Фусун», отдай слуге, пусть передаст в комнату четыре, корпус «Б». И не говори, что это я прислал.

— Брат Чжэн, если хочешь помириться, почему скрываешь имя? — удивился другой ученый, Цянь Жань.

Чжэн Тань с видом святого ответил:

— Брат Шао сейчас в гневе, услышит мое имя — разозлится еще больше. Позже попрошу прощения лично.

Сунь Чао и Цянь Жань прониклись к нему еще большим уважением, а мнение о Шао Юе упало ниже некуда. Чжэн Тань добавил:

— Спасибо, что составили компанию. Обед за мой счет, не стесняйтесь.

Шао Юй только собрался выйти поесть, как в дверь постучали. На пороге стоял гостиничный слуга с коробкой в руках.

— Господин Шао, ваш друг прислал. — Он поставил пирожные на стол и собрался уходить.

— Постой, кто прислал? — остановил его Шао Юй.

— Ваш друг, сказал, что купил в Чжэньсючжай. — Слуга смотрел на коробку с завистью — Чжэньсючжай был знаменитым заведением.

Выражение лица Шао Юя стало серьезным:

— Я готовлюсь к экзаменам. Если я съем пищу неизвестного происхождения и со мной что-то случится, ваша гостиница будет нести ответственность?

— Господин, это подарок от вашего друга, к гостинице это отношения не имеет, — пробормотал слуга, с опаской глядя на коробку.

— Тот, кто прислал, назвал свое имя? — спросил Шао Юй.

Слуга покачал головой:

— Сказали лишь, что это подарок от хозяина.

Шао Юй догадался, что это, скорее всего, Чжэн Тань, и отрезал:

— Вы даже не выяснили, от кого посылка, и принесли ее в комнату? Я это есть не буду. Вещи от людей, которые прячутся за чужими спинами, мне не нужны.

Слуга в замешательстве замялся:

— А что мне с этим делать?

У Шао Юя не было сил устраивать скандал, да и искать врача для проверки было лишней тратой времени. Если он ошибся — выйдет неловкость, а если нет — таинственный отправитель все равно не оставил имени, и лишние разбирательства лишь отнимут время перед экзаменом. В конце концов, если врач не обладает тонким нюхом, он все равно ничего не поймет.

— Делай с этим что хочешь, — бросил Шао Юй.

Слуга проглотил слюну и, обрадованный, быстро выскочил из комнаты. Он не успел дойти до конца коридора, как соседняя дверь отворилась и вышел мужчина в синем.

— Мне плевать, моя Сяо Лин хочет пирожные с османтусом, иди и купи, — раздался из комнаты мальчишеский голос.

Мужчина в синем тихо ответил, скрывая раздражение. Слуга, услышав это, решил, что удача сама идет в руки:

— Господин, вам нужны пирожные с османтусом?

Мужчина в синем нахмурился, его взгляд стал тяжелым и ледяным. Слуга отступил на шаг.

— Чего испугался? — спросил мужчина.

— Господин... вы выглядите довольно устрашающе... — заикаясь, ответил слуга.

Прежде чем мужчина успел ответить, из комнаты раздался залиvistый смех юноши:

— Вот видишь, я же говорил, что ты страшный! А ты не верил! Ха-ха-ха!

Слуга, жажда наживы пересилила страх, открыл коробку, показывая лакомство. Он не стал говорить, что это подарок, от которого отказались, а выпалил:

— Это пирожные из Чжэньсючжай, если хотите — отдам за три монеты.

Мужчина в синем не шелохнулся, но из комнаты донесся резкий, короткий звук, похожий на птичий крик. Юноша, услышав, что снаружи все стихло, крикнул:

— Чего копаешься? Все уже принесли, плати давай!

Мужчина в синем, не торгуясь, протянул слуге деньги. Тот забрал монеты и, услышав, как за ними захлопнулась дверь, с облегчением выдохнул и поспешил прочь.

<http://bllate.org/book/25708/3072678>